

**МАСТЕРСТВО.
МОЛОДОСТЬ.
СОВРЕМЕННОСТЬ.**

В ПОВЕСТИ Сергея Антонова (в отличие от многих «антикультовских» произведений) при всем драматизме, запутанности узлов есть какая-то особая ясность, чистота дыхания. Сохранился этот настрой и в спектакле. Только живая стихия человеческих чувств, не извращенных атмосферой идолопоклонства и

Но это лишь один срез времени. Не желая подчиняться патетике, режиссер вместе со сценаристом Э. Капелюшем может порой исповедовать иной, как ни парадоксально — весело — ироничный, взгляд на мир. Вот из атрибутов эпохи выстраивается иллюзорная картина сна-мечты девушки Васьки.

важный труд, а теперь — в ожидании первого прорыва страны Кагановича — начинается игра в энтузиазм.

Здесь все и каждый в плену у времени. Даже такие чистые люди, как бригадир Митя (А. Красавин), мужественный и младенчески-наивный тип комсомольского вожака 30-х, не в силах миновать калечащего воздействия механизма эпохи. Что же говорить о тех, для кого жизнь не в ладах с собой стала нормой, кто предпочитает существовать по навязанным правилам игры, — таков Лобода (И. Шибанов), выразительный резонер эпохи, глашатай ее «философии».

От страха — к иронии, от патетики — к добродушному юмору, от высокого, страстного накала — к приземленным, бытовым зарисовкам. Иногда только кажется, что «повествовательность» не дает как следует обнаружить скрытому лиризму, что с юмором разыгранные куски, необходимые для эмоциональной разрядки, начинают существовать сами по себе... А в то же время — кто знает, как сегодня следует разговаривать с тюзовским зрителем? Как открыть сидящим в зале подросткам хотя бы частицу правды, если не так давно прошлое преподносилось им лишь в фанфарно-набатном духе, если не написаны еще новые учебники истории, не сданы экзамены? Видимо, только так — без дидактики, без нагнетания пафоса, а не принужденно, доверительно — и нужно беседовать с юным зрителем. Только так, видимо, можно его подвести к размышлениям о ценности человеческого достоинства, о том, что страх стать изгоем во всеобщем, ратно-кипучем деле может порою граничить с открытой бесчеловечностью, и если на бесчеловечные поступки приходится идти ради будущего счастья, то кому такое счастье нужно?..

Максим МАКСИМОВ

«Если все это ради счастья»

В том, что именно Дмитрий Астрахан станет лауреатом городского смотра «Молодость. Мастерство. Современность», сомнений ни у кого не было. Дефицит молодой режиссуры уже давно и основательно ощущается в нашем городе, а здесь — новое имя, да еще столь яркий дебют, как «Васька» в ЛенТЮЗе.

А впрочем, дебют ли! Ведь не все знают, что Астрахан в свои неполные 30 лет поставил самостоятельно 15 спектаклей — в Свердловском ТЮЗе, где он работал по окончании ЛГИТМиКа, в Театре Тихоокеанского флота (когда пришлось побыть военнотружеником), на свердловском телевидении и, наконец, на двух площадках Ленинграда — в ТЮЗе и Учебном театре, где он сейчас работает педагогом на курсе А. Андреева. Объективные причины, на которые ссылаются те, чья творческая молодость затягивается на десятилетия, каким-то чудом сумели миновать Астрахана. Его спектакль «Васька» — отнюдь не ученический опус подмастерья. Здесь чувствуется довольно крепкая режиссерская рука, свой «угол зрения», свои творческие ориентиры — то, что отличает человека в режиссуре далеко не случайного.

доносительства, может противостоять варварскому механизму эпохи. А механизм этот отлажен идеально. Лязгают с грохотом вагонетки и тачки, снуют вверх-вниз кабинка подъемника, раздвигаются и замыкаются створки, отсекая пространство сцены от внешнего мира. А выше — помост-трибуна для начальства и башня с красной звездой, увенчивающая подъемник. Словно могучий указующий перст, направляющий всю суетливую, кропотливую жизнь к конечной цели...

Васька — «лишенка», дочь раскулаченных, бежавшая в город на строительство метро и живущая в страхе перед разоблачением, — только так и может себе представлять торжество справедливости. А. Введенская в своей героине за угловатостью, трогательным косноязычием, суматошностью речей и поступков открывает и неистребимое правдоискательство. Оно заключено не столько в попытке понять, в чем же все-таки ее вина, сколько в жажде быть прощенной, очищенной от кляймы, в мечтах о некоей наивной гармонии между правдой своей многогрательной судьбы и правдой великого «общего дела». Но тщетно искать подлинную правду там, где она никогда и не ночевала. Васька придет к этому не сразу, лишь в финале она опустится на колени и призовет: господи, если все это ради счастья, то кому такое счастье нужно?

А мир вокруг живет и будет жить по своим законам: здесь правят лозунговый пафос, бодрые кличи, рапортования. Вдохновение настолько тесно соседствует с ложью, что непонятно, откуда еще берутся нерастратенные и неразмененные человеческие чувства? Вот только что мы наблюдали подлинно вдохно-